

Вернувшись в свои покои, Су Лань уже велела приготовить отвар от простуды и хворей. Чжао Лянь допил его и сразу лёг, но, сколько ни закрывал глаза, уснуть не мог.

Поскольку сон у него был чутким, его могло разбудить даже дыхание человека рядом, поэтому дежурившие служанки оставались в предбаннике и входили только тогда, когда слышали шум.

Поднявшаяся днём метель к полуночи утихла. Луна снова выглянула из-за слоистых тяжёлых туч, её холодное сияние озарило свежий снег и, отразившись, разлетелось во все стороны, так что в комнате стало светло почти как днём.

Чжао Лянь перевернулся на другой бок и, махнув рукой на попытки уснуть, уставился на лунный свет на полу, чувствуя, как в душе поднимается глухая тоска.

Ранняя смерть, ранняя смерть... В двадцать лет или в тридцать?

Лунный свет бередил душу, и мысли Чжао Ляня, казалось, вслед за этим сиянием вернулись на три года назад. Тогда его здоровье тоже оставляло желать лучшего, но всё же не так, как сейчас, когда он через день не мог подняться с постели. В те дни он, пользуясь тем, что в лагере никто не следит, в одиночку врывался в стан врага, добывал голову неприятеля и возвращался целым и невредимым.

Правда, после этого ему всегда доставалось от Жуань Чаоцина за самовольство.

Вспомнив, как днём Жуань Чаоцин задал ему трепку, а посреди ночи тайком пришёл намазать его мазью, Чжао Лянь тронул уголками губ и тихонько усмехнулся.

За семнадцать лет своей жизни он, если считать по совести, получил всего два набоя за всю историю. И оба раза его лупил Жуань Чаоцин: первый раз — за то, что самовольно сунулся к врагам, второй — за то, что самовольно явился в армейский лагерь.

При воспоминании о том втором случае уголки рта Чжао Ляня тут же опустились.

Тогда ему было десять лет, а Жуань Чаоцину — двадцать два.

Шёл третий год с тех пор, как его августейший отец провозгласил себя императором, и третий год, как Жуань Чаоцин держал его при себе на воспитание.

Хотя за три года в Южной армии он каждый день с раннего утра тренировался вместе с простыми солдатами, бесконечные армейские тяготы и скудная пища не могли восполнить силы слабого тела, и у него постепенно стали проявляться признаки хворого здоровья. До этого он тоже думал, что ничем не отличается от своего старшего брата Чжао Су.

Говорили, что Чжао Су родился болезненным, и его плач звучал так тихо, будто тонущий котёнок. Сам же он появился на свет упитанным, а кричал так громко и звонко, что походил на голодного волка.

Впрочем, в последнем он сомневался: разве бывают младенцы, которые голосят точно волки?

События доказали, что его сомнения были небеспочвенны, ведь как раз он-то и оказался тем самым тонущим котёнком. Добрые люди вытащили его на берег, где он, весь мокрый, дрожал на песке, и любой порыв холодного ветра мог оборвать его жизнь.

Жуань Чаоцин заметил его хрупкость и, не обращая внимания на яростное сопротивление, отправил обратно в глубокий тыл к отцу и матери, а сам, не оглядываясь, поскакал прочь, навстречу полям сражений. Точно так же, как и во многие последующие годы, он оставил ему лишь отдаляющуюся спину.

При отце состоял старый монах с глубокими познаниями в буддийском учении. Когда армия повстанцев потерпела сокрушительное поражение у Пика Се Цзюнь и была почти полностью уничтожена карательными войсками, этот старец предсказал императору: если повстанцы переживут чёрную полосу и обретут помощь благодетеля, Поднебесная станет принадлежать роду Чжао.

Чжао Лянь думал, что тот старый монах, пожалуй, и вправду был великим подвижником, ведь позже у повстанцев появился Жуань Чаоцин, и теперь Поднебесная действительно принадлежала семье Чжао.

Монах предрёк ему раннюю смерть, и отношение отца и матери к нему резко изменилось: отвары для укрепления здоровья не переводились с утра до вечера.

Однако хворь не отступала. Изнемогая от тошноты перед горькими лекарствами, он однажды ночью тайком ускользнул из дворца и тронулся в обратный путь, добираясь до лагеря Южной армии при свете луны.

Когда забрезжил рассвет, он встретил Жуань Чаоцина.

Что именно Жуань Чаоцин тогда делал, Чжао Лянь уже припомнить не мог. Он помнил лишь, что тот опешил, увидев его всего в грязи, постоял с минуту, а затем яростно подобрал у дороги тонкий и длинный прут, подхватил его, зажал под мышкой, поволок в шатёр и, не говоря ни слова, отходил по мягкому месту.

Кажется, тогда ему было очень обидно, но стоило лишь взглянуть на покрасневшие глаза Жуань Чаоцина, как он сразу понял свою ошибку.

Позже, когда Жуань Чаоцин отвозил его обратно к родителям, он уже не сопротивлялся. Лишь

когда становилось совсем невмочь, он позволял кому-нибудь отвезти его к войскам, хотя на следующий день Жуань Чаоцин неизменно отправлял его назад.

Тук!

От тихого звука Чжао Лянь в мгновение ока распахнул глаза — оказывается, он незаметно для себя задремал.

подавив внезапное сердцебиение от резкого пробуждения, Чжао Лянь посмотрел туда, откуда донёсся шум: у резного окна какая-то фигура украдкой поворачивалась, затворяя створки, совершенно не подозревая, что хозяин комнаты уже проснулся.

Чжао Лянь бесшумно приподнялся на постели, и рука его медленно скользнула под подушку.

Тёмный силуэт закрыл окно, присел на корзинки, подхронил какую-то ношу и на цыпочках двинулся к кровати.

Глядя на походку незнакомца, а заодно оценивая его фигуру, Чжао Лянь выдвинул предположение — с виду нелепое, но вместе с тем до странного правдоподобное: неужто пожаловал Жуань Чаоцин?

Поглазев с минуту и окончательно убедившись, кто перед ним, Чжао Лянь убрал руку и принялся с невозможным видом наблюдать за гостем.

Тот осторожно нёс в руках что-то тяжелое, согнувшись в три погибели, шаг за шагом приближался к постели, но целью его, судя по всему, был вовсе не спящий человек, а стоявшая рядом низкая тумба.

Незванный гость водрузил ношу на тумбу, затаил дыхание, попятился на два шага и, сгорбившись точно какой-то старик с больными ногами, тихонько развернулся, явно намереваясь убраться тем же путём.

— Ой!

Из-под полога кровати внезапно высунулась рука и намертво вцепилась в гостя, да так испуганно, что тот едва не отмахнулся и чудом сдержал желание ударить наотмашь.

— И вот так просто уйдёшь?

Фигура замерла, а на лице промелькнуло крайнее досадование.

— Чего принёс-то? — Чжао Лянь и не рассчитывал на ответ; одной рукой он удерживал гостя, а другой сбросил одеяло, собираясь встать.

— Сначала отпусти руку! — приглушённым голосом бросил Жуань Чаоцин, дёрнув пойманной рукой. Не дождавшись от Чжао Ляня никакой реакции, он добавил: — Я свет зажгу.

Чжао Лянь в темноте окинул Жуань Чаоцина взглядом, разжал пальцы и снова сел на постель.

Вспыхнувший огонёк свечи мгновенно осветил всё вокруг.

Когда Жуань Чаоцин с подсвечником подошёл к кровати, Чжао Лянь наконец разглядел, что на низкой тумбе стоит большой фарфоровый таз для супа.

Это он ему суп приволок?

Жуань Чаоцин поставил подсвечник на тумбу, и содержимое таза предстало во всей красе: внутри плавала оранжево-красная карпия-кои, пуская пузыри.

— Это мне на съедение?

Жуань Чаоцин бросил на Чжао Ляня косой взгляд и с некоторой неловкостью произнёс: — Вымолил у Мастера Хундэ. Захочешь — съешь.

Говорят, эта рыба приносит удачу, а уж после готовки эффект наверняка станет ещё сильнее? Её лучше в соевом соусе потушить или приготовить на пару? Знал бы он, что Чжао Ляню приспичит её отведать, ни за что не стал бы тащить всю дорогу, прижимая к груди, чтобы согреть, — только весь водой измазался.

На улице холодно, если не согреть её на теле, так и вода, и рыба в тазу мигом замёрзли бы в ледышку.

Услышав это, Чжао Лянь с удивлением посмотрел на рыбину в тазу и уже протянул руку, чтобы коснуться её, как на полпути его запястье перехватил Жуань Чаоцин.

— Завтра посмотришь. Я ухожу, спи давай.

С этими словами Жуань Чаоцин собрался делать ноги.

Но не успел он сделать и двух шагов, как Чжао Лянь окликнул его:

— Цин-гэ, у меня ноги болят.

— Ноги болят? — Жуань Чаоцин обернулся. — Слишком долго на коленях стоял? Пойду позову Су Лань, пусть растрёт мазью.

— Это ты меня отлупил.

Не успел он сделать шаг к выходу из спальни, как от этих слов Чжао Ляня замер и оглянулся с абсолютным непониманием на лице: — Когда это я тебя лупил?

Чжао Лянь умолк. Словно воды в рот набрал, он молча уставился на Жуань Чаоцина своими угольно-чёрными глазами.

Похоже, до того наконец дошло, о чём толкует Чжао Лянь, и Жуань Чаоцин в два шага оказался у кровати. — Помассировать?

Стоило Жуань Чаоцину договорить, как Чжао Лянь вновь откинул одеяло, вытянул ногу и выставил её прямо перед Жуань Чаоцином — смысл этого жеста был более чем очевиден.

Жуань Чаоцин окинул его невероятно изумлённым взглядом, но всё же присел на краешек постели и через тонкий слой ткани принялся растирать ему ногу.

— Хочу пирожного с лилией.

— Разве на столе его нет? — Жуань Чаоцин поднял на Чжао Ляня глаза и, заметив, что тот снова молча в упор смотрит на него, поспешно пошёл на попятную: — Завтра вернусь и приготавливаю.

Время стояло уже глубоко ночное, поэтому Жуань Чаоцин помассировал ему ногу совсем немного и Чжао Лянь отпустил его.

Перед уходом Жуань Чаоцин вспомнил, что Чжао Лянь наверняка голоден, прихватил со стола тарелку с пирожными из лилий, бухнул её на тумбу и удалился.

Резные окна были плотно закрыты, и в комнате снова воцарилась тишина.

Чжао Лянь какое-то время смотрел на окно, убедившись, что возвращаться тот больше не собирается, после чего откинулся на изголовье и от нечего делать опустил палец в фарфоровый таз на тумбе.

Стоило пальцу коснуться воды, как пускавшая пузыри рыбка тут же подплыла ближе и осторожно тыкнулась в него.

Чжао Лянь погладил рыбий ротик, и в его взгляде промелькнула редкая мягкость.

Заметив, что малёк продолжает тереться о его руку и никак не отплывает, он догадался, что та, должно быть, проголодалась, и попытался опустить в воду крошки пирожного. Однако рыбка есть не стала: она обплыла крошки сторожом и снова прижалась к его пальцу.

— Глупышка, раз не голодна, зачем ко мне пристаёшь?

С этими словами он легко коснулся пальцем лба рыбки.

<http://bllate.org/book/21017/2136602>